

Ноября 14 (27)

Священномученик
Димитрий (Беневоленский)

Священномученик Димитрий родился 10 октября 1883 года в городе Вышнем Волочке Тверской губернии в семье священника Михаила Беневоленского. Димитрий Михайлович учился сначала в Тверской, а затем в Санкт-Петербургской Духовной семинарии, которую окончил в 1909 году, после чего поступил на должность учителя при Николо-Столпенском монастыре Тверской губернии¹.

В 1911 году умер священник в селе Островно и приход остался без пастыря. Димитрию Михайловичу было предложено принять сан священника. В том же году он обвенчался с дочерью Ивана Алексеевича Тихомандрицкого Анной, которой было шестнадцать лет. Ее отец был инженером-путейцем и занимался строительством приволжской железной дороги. Семья была благочестивая, один из сыновей, Михаил, стал священником, а две другие дочери не вышли замуж и посвятили свою жизнь воспитанию приемных детей и детей родственников. 21 ноября 1911 года Димитрий Михайлович был рукоположен в сан священника к Дмитриевской церкви села Островно Вышневолоцкого уезда Тверской губернии. Став священником, о. Димитрий все свои силы и время отдавал делу церковного служения. Понимая, какое значение имеет для храма хор, участвующий в большей части богослужения, имеющий, кроме прочего, миссионерское значение, он со тщанием подбирал певчих и организовал прекрасное церковное пение. Несмотря на то что приход не был богат, о. Димитрий заказал отлить для храма новый колокол, отдав для этого свое столовое серебро. В 1919 году о. Димитрий был переведен в Троицкий храм села Паношина Вышневолоцкого уезда². Сюда к нему приехал его отец, священник Михаил Беневоленский, который здесь и скончался и был похоронен в Удомле.

В январе 1929 года властями был разработан документ о необходимости усилить гонения на Православную Церковь. В нем говорилось, что некоторые советские администраторы считают для себя невозможным применение репрессивных мер по отношению к церковным организациям, между тем как церковные организации "являются единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы"³. В документе давалась рекомендация местным властям, чтобы одновременно с применением административных мер по отношению к духовенству и верующим они проводили идеологическую работу, разъясняя, "что административная мера применяется против антисоветской, а не религиозной деятельности религиозных обществ, не является "гонениями" на веру, гонениями за самое отправление религиозного культа"⁴.

Действие принятого центральной властью указа об усилении гонений сказалось на всех приходах Русской Православной Церкви. Не миновало оно и приход села Паношина, где служил о. Димитрий, и уже 16 января 1929 года он и староста храма Александр Щеголев были арестованы.

Отец Димитрий был обвинен в том, что совершил 28 октября 1928 года торжественное богослужение "с целью, – как было сказано в обвинении, – возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем

материальных выгод"⁵. Старосту обвинили в том, что он помогал священнику устроить торжественное богослужение.

Священник Дмитрий Беневоленский. Освящение дома. 1910-е годы

Исстари в этих местах сложилась традиция: в конце октября ходить по селам с иконой Николая чудотворца, которую приносили монахи из Николо-Теребенского монастыря. В село Паношино крестный ход с иконой прибывал 28 октября. В этот день торжественно служился перед образом молебны, а затем с иконой и молебнами ходили по домам. В конце двадцатых годов власти стали закрывать последние монастыри, и хотя в октябре 1928 года монахи в Николо-Теребенском монастыре еще служили, но по округе стало известно, что в этот год они с иконой не пойдут, ожидая закрытия монастыря.

Прискорбно было для верующих нарушить древнюю традицию и отказаться от крестного хода. В Троицком храме хранилась чтимая икона Николая чудотворца, которую передали сюда еще в 1925 году из закрытого тогда в Вышнем Волочке Казанского монастыря.

В октябре 1928 года состоялось заседание приходского церковного совета, на котором староста храма предложил сохранить традицию крестного хода и молебна перед иконой святителя Николая. Отец Дмитрий дал на это свое благословение и со своей стороны пожертвовал для иконы киот. Для большего удобства были сооружены носилки.

28 октября состоялся крестный ход с иконой Николая чудотворца, причем все было совершено с такой торжественностью и благоговением, с таким религиозным подъемом, что не осталось и следов того тяжелого переживания, которое охватило было души благочестивых крестьян, когда они узнали, что крестного хода с иконой из монастыря не будет.

Случись это в иное время, все осталось бы без последствий, но власти как раз приняли решение об усилении гонений, и в середине января 1929 года в местной газете появилась статья, где говорилось, что священник в селе Паношино решил устроить крестный ход и не получил на это отпор местных властей, хотя вместо иконы Николая чудотворца из Николо-Теребенского монастыря паношинские верующие принесли свою икону, с которой и ходили. "Всяк об этой проделке знал, – писалось в газете, – ячейка ВКП(б) знала. Все знали, но мер

против такого безобразия не приняли... А паношинский поп речь верующим загнул: "Не попадайтесь, овцы, в волчьи зубы..."

Волками он называл удомельских культурников, виковцев и партийцев.

Сейчас, когда деревня выбирает советы, нужно зорко следить за поповскими проделками"⁶.

После появления статьи о. Дмитрий и староста были арестованы и заключены в Тверскую тюрьму. За девять лет служения в Паношине о. Дмитрия прихожане полюбили его и теперь стали ходатайствовать о его освобождении. Был собран сельский сход, который постановил: "Мы, граждане села Паношина... в количестве тридцати двух человек, бывших на сельском сходе... имели суждение об аресте настоятеля храма села Паношина священника Дмитрия Беневоленского и церковного старосты гражданина села Паношина Александра Щеголева, последовавшего вследствие обхода священником села Паношина в октябре прошлого года с иконой Николая чудотворца, взятой из местного храма, в память дня прихода чудотворной иконы того же угодника из монастыря Николая Терebene, которая в истекшем году в обход селений не ходила.

Священник Дмитрий Беневоленский

Народ обсудил означенный вопрос и принял во внимание, что инициатива этого обхода с иконой принадлежала церковному совету села Паношина и была произведена исключительно по желанию верующих, но никак не по инициативе церковного старосты гражданина А. В. Щеголева и священника Беневоленского, и что священник Беневоленский совершил означенный обход единственно по желанию верующих, что подтверждается тем, что перед обходом священник Беневоленский вначале совершенно отказывался от обхода и лишь после усиленных просьб прихожан объявил последним о своем отказе от уплаты ему...

какого-либо вознаграждения за эти молебны. И действительно, им ни от кого не было взято ничего за эти службы.

На основании изложенного сход постановил возбудить ходатайство перед властями об освобождении священника Беневоленского и гражданина Щеголева из-под ареста, как основанного на неправильных данных. В случае необходимости поручительства, все нижеподписавшиеся граждане дают свое поручительство как за священника Беневоленского, так и за гражданина Щеголева"⁷.

23 января 1929 года следователь допросил священника. На вопросы о. Дмитрий ответил, что крестный ход был устроен для поддержания религиозного чувства, а также чтобы материально поддержать храм, но сам он от платы за выполнение треб отказался, и "служба проведена по всему селу бесплатно"⁸.

Следователь, цитируя газетную заметку, спросил о. Дмитрия, кого он имеет в виду под волками. Священник ответил: "В проповеди своей, произнесенной 26 ноября 1928 года в церкви села Верескунова, я действительно говорил: "не попадайтесь, овцы, в волчьи зубы" и разъяснял, что волки – это сектанты, которые ходят по селениям днем и ночью, вербуя крестьян в свою общину"⁹.

Спросили на допросе и старосту Александра Васильевича Щеголева, о чем проповедовал священник в храме. Он ответил: "В проповедях Беневоленский говорил о борьбе с пьянством, хулиганством и сектантством, другого в проповедях ничего не говорил"¹⁰.

29 января дело было передано в суд Вышневолоцкого уезда, и 16 апреля состоялось заседание. Секретарь суда записал: "Подсудимый Беневоленский Дмитрий Михайлович виновным себя в предъявленном обвинении не признал и по существу дела пояснил: когда стало известно, что хождения из Теребени с иконой не будет, то верующие прихожане стали просить меня произвести таковое богослужение со своей местной иконой 28 октября 1928 года по примеру прошлых лет. По просьбе прихожан мною была взята из церкви икона Николая чудотворца, которую подновили, и по постановлению совета церкви 28 октября производили богослужение. Носить так икону было нельзя, и были сделаны носилки. Икона под икону Теребенской не подделывалась, и она внешне не походила на нее. Население весьма было довольное хождением, и возражений со стороны верующих не было. Хождение Теребенской иконы продолжалось годами. Платы за хождение я с населения не брал. Хождение было с целью поддержания веры...

Подсудимый Щеголев Александр Васильевич виновным себя не признал, подтвердил, что по селу Паношино икона Николая из Теребени ходила лет 60 подряд из года в год. В нынешнем году стал ходить слух, что с иконой из Теребени ходить не будут. Недели за две до время хождения Теребенской иконы ко мне стали ходить верующие, фамилии их назвать не могу, так как забыл, и просили меня просить священника, чтобы произвести хождение со своей иконой... Икона была обновлена, и с нею ходили по селу Паношину по примеру хождения в прошлые лета Теребенской иконы"¹¹.

Выступивший в конце судебного заседания адвокат сказал:

– Суд в данном случае не судит за то, что они верующие, за то, что они молятся, но основным моментом им инкриминируется подделка иконы с целью извлечения материальной выгоды и возбуждения суеверия в массах. По показаниям же свидетелей мы ясно видим, что сходства совершенно между

иконой, оборудованной подсудимыми, и иконой монастырской никакого не было. Теперь переходим к обману, такового также не было, так как все верующие отлично знали, что эта икона из местной церкви, и их никто не убеждал, что эта икона из монастыря, а потому вопрос совершенно отпадает, что они хотели возбудить суеверие в массах. Собранные подарки, которые добровольно жертвовали верующие, совершенно ничтожны, и отсюда извлечения материальной выгоды нет. Рассматривая их проступок, то есть содеянное, мы видим, что преступного в деяниях подсудимых совершенно нет. Правда, религия дурман и вредит общественности, но ведь наш закон разрешает им свободно верить. Ввиду отсутствия в деянии подсудимых состава преступления, прошу вынести оправдательный приговор.

"Прения окончены, и подсудимым предоставлено последнее слово, в котором они... виновность свою отрицают"¹².

Суд, однако, счел обвиняемых виновными и приговорил священника к штрафу в размере ста рублей, а старосту к шести месяцам заключения. В начале мая 1929 года о. Дмитрий и Александр Щеголев подали кассационную жалобу, где подробно обосновали свою невиновность, но приговор был оставлен в силе.

Сыновей священника в это время исключили из школы как детей лишенцев. Отец Дмитрий и Анна Ивановна, беспокоясь, чтобы они не остались без образования, отправили их к сестрам Анны Ивановны, Ольге и Клавдии, которые жили в то время в Саратове и воспитывали четырех детей своего брата-священника, о. Михаила Тихомандрицкого, и двух сирот, родители которых переехали в Саратов и здесь умерли.

Гонения продолжались, а в конце 1929 года – начале 1930 они ужесточились; местные власти снимали колокола, закрывали церкви, ОГПУ арестовывало священников. Сами действия по закрытию храмов зачастую были приурочены к празднику Рождества Христова.

4 января 1930 года правление колхоза в селе Паношино постановило начать кампанию по закрытию храмов в селе Паношино и Николо-Стан. На следующий день председательствующий на этом собрании член правления Вихров, проходя по селу, с насмешкой говорил женщинам, что 9 января будет снимать с паношинской церкви колокола. В тот же день он пошел к о. Дмитрию домой, чтобы узнать, будет ли тот препятствовать снятию колоколов и закрытию церкви.

– Как же это можно потерять авторитет среди верующих, – ответил священник. – Этот вопрос надо обсудить на церковном совете¹³.

В сочельник, 6 января, руководство колхоза устроило расширенное заседание членов колхоза, на котором присутствовали, однако, не все колхозники, а кого власти сочли нужным позвать, чтобы провести желательное для себя решение. На собрании обсуждался вопрос о необходимости приобретения для колхоза трактора и изыскании для этого средств, которые можно было бы получить, по уверению правления колхоза, если снять с церкви колокола.

7 января, в самый день праздника, член правления Семен Вихров и колхозные активисты Иван и Татьяна Голубевы пришли в храм во время рождественского богослужения и, став посреди храма, начали кричать:

– Нам церковь не надо! Звону тоже не надо! Давайте снимем колокола! Мы вам все рано служить не дадим!

Прихожане ответили им:

– Церковь наша, так что вы сюда не мешайтесь, – и, обращаясь к священнику, сказали ему, – а вы, батюшка, служите.

Тогда вошедшие приступили к священнику и стали кричать:

– Мы вам служить не дадим, мы сейчас вашу церковь закрываем!

– У вас есть разрешение РИКа на закрытие церкви? – спросил о. Дмитрий.

Разрешения не оказалось, и безбожникам на этот раз пришлось удалиться.

*Священник Дмитрий с женой Анной Ивановной
и сыновьями Сергеем, Михаилом и Иваном, июль 1929 года*

Однако весть о том, что безбожники намерены закрыть храм и уже приходили в день праздника Рождества Христова, облетела все деревни прихода, и поскольку Семен Вихров сказал, что они собираются закрыть храм 9 января, то к пяти часам вечера этого дня в село Паношино пришла толпа около двухсот человек, в основном женщины, которые стали требовать, чтобы было проведено общее собрание по вопросу закрытия храма. В дом Вихрова была послана делегация, которая потребовала от него, чтобы он пришел на собрание. Увидев, что собравшиеся не отступятся от своих требований, он вместе с ними пошел в село Удомля, где был расположен клуб и куда пришли представители местных властей.

Власти сделали попытку начать обсуждение, но с тем, чтобы непременно склонить верующих к согласию снять колокола и закрыть храм. Но как только ставился этот вопрос, собравшиеся заявляли решительно и непримиримо:

– Не хотим обсуждать закрытие церкви и не дадим ее закрывать¹⁴.

На следующий день член правления колхоза Вихров и местный коммунист, в доме которого снимал комнату о. Дмитрий, написали в Удомельское ГПУ заявление. Они писали, что дом священника является центром для всех верующих района, что каждую ночь у него кто-нибудь ночует из верующих, каждый день он кого-нибудь принимает и угощает трапезой. Хозяин дома в письме заявлял, что как-то спросил священника о его дальнейших планах, намеревается ли он и дальше оставаться священником или примет новый порядок и снимет сан. На это о. Дмитрий ответил: "Я убежден в правоте своей веры и священнического сана никогда не сниму!" – "Значит, вам нужен старый

царский строй, вы прямо за него, раз так". Он говорит "да". Я прошу вас данное мое заявление проверить и сделать надлежащий вывод: убрать его к "своим"¹⁵.

Вскоре после этих событий, 5 февраля, о. Дмитрий был арестован. В тот же день был арестован староста храма Иван Ильич Колокольцев и священник села Новый Стан о. Павел Богоявленский¹⁶. Его обвинили в том, что он на собрании церковного совета посмел публично объявить, что сельсовет дал ему задание сдать излишки хлеба. Однако никаких излишков у него нет, и о. Павел просит помочь ему, ибо если он не сдаст хлеб, то будет отдан под суд. Кроме того, о. Павла обвинили в том, что он, узнав о намерении властей закрыть храм, объявил об этом во время богослужения верующим. Между тем безбожники устроили собрание в здании школы, чтобы принять решение о снятии колоколов и закрытии храма. На это собрание пришло более трехсот верующих. Увидев толпу, секретарь местной партийной ячейки бежал из школы черным ходом¹⁷.

Иван Колокольцев обвинялся в том, что он противился закрытию храма и занимался антисоветской агитацией, которая заключалась в том, что он говорил: "Русский народ жив, вера еще есть, пусть посмотрят"¹⁸.

В марте обвиняемые были допрошены. Никто из них не признал себя виновным. 25 апреля 1930 года Тройка ОГПУ приговорила священника Павла Богоявленского к трем годам ссылки в Северный край. Наказание было условным, и он был освобожден. Священник Дмитрий Беневоленский и Иван Колокольцев были сосланы на три года в Северный край¹⁹.

В мае 1933 года закончился срок ссылки, о. Дмитрий вернулся домой и был определен святым архиепископом Фаддеем в храм села Синево-Дуброво Сонковского района. Но не долго ему пришлось здесь прослужить. Летом 1937 года поднялась снова волна гонений, и 12 ноября священник был арестован.

20 ноября о. Дмитрия вызвали к следователю для заполнения анкеты, а на следующий день – на допрос. Допрашивал начальник Сонковского районного отдела НКВД. Все следствие длилось всего один день. Были вызваны "дежурные свидетели" – председатель и счетовод колхоза имени Максима Горького, которые, лжесвидетельствуя, говорили, будто священник, "являясь враждебным, антисоветски настроенным, вокруг себя группировал классово-чуждые и тоже антисоветски настроенные элементы и вместе с ними занимался активной контрреволюционной деятельностью: распространял провокационные слухи о войне и падении советской власти, призывал колхозников отказаться от участия в выборах в Верховный Совет СССР, распространял контрреволюционные церковные листовки и систематически дискредитировал колхозный строй"²⁰.

Следователь зачитал вслух вопрос:

– Вам предъявляется обвинение в систематической контрреволюционной деятельности, направленной на срыв колхозного строительства. Подтверждаете ли вы это?

– Нет, виновным себя не признаю. Антисоветской агитации не вел.

– За что, когда вы судились и где отбывали срок наказания?

– В 1929 году я был приговорен к ста пятидесяти рублям штрафа; в том же году к штрафу в сто рублей; в 1930 году – к трем годам ссылки в Северный край.

– В июле месяце вы среди колхозников вели антиколхозную агитацию. Подтверждаете ли вы это?

– Нет, не подтверждаю.

– В октябре вы вели контрреволюционную агитацию, направленную на срыв предвыборных работ по выборам в Верховный Совет СССР.

– Нет, антисоветской агитации, направленной на срыв предвыборных работ по выборам в Верховный Совет, я не вел.

– В августе вы распространяли провокационные слухи о войне. Подтверждаете ли вы это?

– Не подтверждаю. Слухов о войне не распространял²¹.

В этот же день помощник оперуполномоченного составил обвинительное заключение и отправил его на рассмотрение Тройки, которая 25 ноября вынесла постановление расстрелять священника. Протоиерей Дмитрий Беневоленский был расстрелян 27 ноября 1937 года и погребен в братской могиле²². Место его погребения было скрыто властями и до сего дня остается неизвестным. Дольше сохраняется среди прихожан память о подвижничестве священномученика.

Игумен Дамаскин (Орловский)
«Мученики, исповедники и подвижники благочестия
Русской Православной Церкви XX столетия.
Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3»
Тверь. 2001. С. 346-355

Примечания

¹ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 5612-С. Л. 159.

² Тверские епархиальные ведомости. 1911. № 44. С. 614., Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 5612-С. Л. 159.

³ АПРФ. Ф. 3, оп. 6, д. 13, л. 56.

⁴ АПРФ. Ф. 3, оп. 6, д. 13, л. 56.

⁵ Архив УФСБ РФ по Тверской обл. Арх. № 5612-С. Л. 76.

⁶ Там же. Л. 46.

⁷ Там же. Л. 38.

⁸ Там же. Л. 68.

⁹ Там же. Л. 69.

¹⁰ Там же. Л. 87.

¹¹ Там же. Л. 87-88.

¹² Там же. Л. 92.

¹³ Там же. Л. 165.

¹⁴ Там же. Л. 25-26.

¹⁵ Там же. Л. 12.

¹⁶ Там же. Л. 140-141.

¹⁷ Там же. Л. 165.

¹⁸ Там же. Л. 166.

¹⁹ Там же. Л. 172.

²⁰ Там же. Арх. № 17250-С. Л. 19.

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 21.